

Лада Кутузова

Дневник о неважном

Семейное дело Жеки

Суворова

Время – юность!

Лада Кутузова

**Дневник о неважном.
Семейное дело Жеки Суворова**

«ВЕБКНИГА»

2023

Кутузова Л. В.

Дневник о неважном. Семейное дело Жеки Суворова /
Л. В. Кутузова — «ВЕБКНИГА», 2023 — (Время – юность!)

ISBN 978-5-9691-2434-9

Все летит кувырком. Родители разводятся, и Дан с мамой вынуждены переехать в другой район Москвы. В перспективе – новая школа, новые одноклассники. В общем, ничего хорошего. А друзья далеко, мать в депрессии, и Дану даже не с кем поговорить. Если только начать вести дневник?..

ISBN 978-5-9691-2434-9

© Кутузова Л. В., 2023
© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Дневник о неважном	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лада Кутузова
Дневник о неважном. Семейное
дело Жеки Суворова

Иллюстрации *Вера Кортаева*

© Кутузова Л. В., 2023

© «Время», 2023

Дневник о неважном Повесть

* * *

Многим родителям кажется важным, чтобы подросток знал, какой порт самый северный. Ватнайёкюдль? Эксполабаратор? Возможно, но это выдуманные слова. Голландия или Испания? Это вообще-то страны, а не названия портов. Родители уверяют, что без важного знания о том, какой порт самый северный, подросток не сможет обойтись. На самом деле, подростку намного важнее знать, как познакомиться с человеком, который ему симпатичен.

1

Дан опаздывал. Трамвай дребезжа подъезжал к остановке, а Дан только повернул от школы к трамвайной линии. Теперь он бежал изо всех сил и махал руками в надежде, что водитель заметит его и подождет. Но увидели Дана ребята, стоявшие неподалеку, – ждали автобус. Они тоже бросились к трамваю с гиканьем и свистом, но тот укатил. Черт! Дан едва не застонал. Придется торчать тут полчаса – нужный номер ходит редко.

Дан подошел к остановке. Вблизи он узнал ребят – они из его класса. Высокий и тощий, весь словно из острых углов, – Сергей по прозвищу Кар. Рядом – Понч. Его зовут, кажется, Денисом. Дан учился в этой школе всего неделю, поэтому путался в одноклассниках. А чуть поодаль – Ксана. Дан зацепился взглядом за нее. Да, на Ксану все обращали внимание: не девушка, а статуэтка какой-нибудь древней китайской династии – чуть раскосые глаза, полные губы, длинные черные волосы... А сама миниатюрная. Какой именно эпохи статуэтка, Дан затруднялся ответить, да это и неважно.

– Это твой, что ли, был? – Кар мотнул головой в сторону удалявшегося трамвая.

– Ага.

Эх, как же не повезло! На улице не май месяц, погода серая, противная, снег до сих пор грязными клочьями лежит на земле.

– Слушай, а ты где живешь? – спросил Понч.

Дан назвал адрес.

– Давай с нами, – предложил одноклассник. – Прокатишься три остановки, а там пересядешь – до твоего дома несколько маршрутов идет.

Подождал автобус. Ребята уселись на задних сиденьях. Ксана пробралась к окну, коленкой задев Дана.

– Эй, не кадри его, – притворно возмутился Понч. – Разве не я герой твоего романа?

Ксана усмехнулась:

– Ты слишком хорош для меня.

Понч осмотрел себя и согласился:

– Не спорю.

Все рассмеялись. Понч от скромности не страдал. Чуть выше среднего роста, полный, рыжий – подходящий набор, чтобы стать объектом насмешек. Но Понч относился к себе с юмором, поэтому его не цепляли.

– Слушай, – решил уточнить у Сергея Дан, – а почему у тебя прозвище Кар, а не Серый? Это же не от фамилии?

Кар потянулся и ответил:

– Ну на что я больше всего похож?

Дан окинул одноклассника взглядом:

– На шест?

– Э-э-э, – растерялся тот, – ну как бы да, но другое.

Понч в это время сделал рукой вращательное движение, а потом энергично задвигал челюстями.

– Спагетти? – догадался Дан. – То есть макаронина!

– Ну да. – Кар усмехнулся. – Только пока произнесешь, язык отсохнет, поэтому сократили.

Дан перевел взгляд на Понча:

– А ты, значит, от пончика?

Денис важно кивнул и добавил томным голосом:

– Я такой вкусный, меня все хотят, просто отбоя нет от желающих попробовать. – Закатил глаза и погладил себя по необъятному животу.

Все прыснули.

– А это Зюма. – Понч ткнул пальцем в Ксану. – Потому что маленькая и сморщенная, как изюм.

Ксана погрозила ему кулаком.

– Но она выросла, – ввернул Кар, – и просит называть ее по имени. Только на правах старого братства мы с Пончем ее просьбы игнорируем.

Ксана вlepила ему подзатыльник, но по ее виду не было похоже, что она рассердилась. Видимо, в этой компании подначки были приняты.

Впервые с начала учебы в новой школе Дан почувствовал, как его отпускает. Сперва он в любой момент ждал подвоха или проверки на вшивость. Кто их знает? Может, тут принято устраивать своеобразные голодные игры в отдельно взятом классе? И они только и ждут повода, чтобы устроить Дану горячий прием. Но встретили его нормально: особо не лезли, но здоровались. И дали понять, что готовы принять в свои ряды. Только... Только Дану самому не хотелось. Смысл? Чуть больше года учиться осталось. Как-нибудь перебьется один, тем более у него и так друзья есть, из старой школы. А эта лишь временное прибежище, потому и не хочется ни с кем сходиться.

Автобус подъехал к остановке, и Понч ткнул в следующий за ними транспорт:
– Не хлопай ушами, как раз твой.

Дан выскочил из последней двери и пересел. Через десять минут он был в своем районе, недалеко от дома. Дан быстрым шагом шел по дворам. Серые девятиэтажки старой постройки, огромные тополя между ними, игровые площадки, где нет никого, – все серое из-за зимы. Даже небо, как серая кастрюля без дна, давит тяжестью. Не осень – унылая пора, а весна. А так хочется солнца, лазури, тепла, желтенькой мать-и-мачехи, а приходится кутаться в куртку и натягивать поглубже шапку.

Скучная пятиэтажка была зажата между двух новых высоток, и казалось, что те посматривают свысока на бедную родственницу. Серый кирпич, серые от грязи окна – этот цвет преследовал Дана. Он нажал на кнопки домофона и поднялся по узкой лестнице на третий этаж. Вот и нужная дверь, обитая коричневым дерматином. Дан открыл сначала верхний замок, затем нижний. Мама почему-то запирала дверь на оба, хотя воровать у них, на взгляд Дана, было нечего: тут все осталось еще от прабабушки, даже допотопный телевизор – с кинескопом. Сейчас цифровое телевидение, по этому ничего не посмотришь. Потому первым делом мама купила нормальный телевизор и электрочайник, а то приходилось кипятить воду в ковшике. Хорошо еще, что интернет быстро провели.

Но до остального у мамы руки не дошли. Ковер с олимпийской символикой так и висел на стене, по нему стекали пластмассовые цветы бутонами вниз, на серванте пылился глиняный олень, больше похожий на поделку, чем на произведение искусства. Дан хотел выбросить, но мама запретила. Она согласилась убрать только кружевные накидки из-за того, что они мешали, а так кто знает.

Мама в последнее время вела себя как чужая. Ушла в себя, замкнулась. Дан не ожидал, что она будет так переживать развод, ведь у них с отцом все к этому и шло. Последнее время

ни дня не проходило без ругани, причем первой всегда начинала мать. Она будто искала предлог, чтобы привязаться к чему-либо, а затем устраивала истерику. Неудивительно, что отец не выдержал. Странно, что это так подкосило маму. Поэтому Дан не погряз в переживаниях из-за развода родителей: надо было как-то вытаскивать мать.

Та до последнего хорохорилась, мол, скатертью-дорога. Быстро упаковала вещи, свои и сына, и переехала в квартиру бабушки, которая пустовала уже два года. Дан сначала хотел остаться с отцом – не потому, что больше любил его, тут выбор не стоял: оба родителя были ему дороги; просто в их старом дворе жили еще и друзья. Но пожалел мать. Иначе выходило, что она лишилась и мужа, и сына.

Дан включил чайник, залез в холодильник и окинул быстрым взглядом полупустые полки. Да-а-а, тут мышь повесилась, хорошо, что не провоняла. Засохшая горбушка, шкурка от колбасы... зато есть сыр и сливочное масло, только мазать не на что. Дан повертел в руках сухарь – не прожужешь. Интересно, а реанимировать его можно или лучше сразу в магазин пойти? Дан залез в интернет: та-ак, замочить в теплом молоке, смешанном с яйцом и сахарным песком, после поджарить на сковороде. Только молока тоже нет, придется все же топтать за продуктами.

Он залез в материнскую записку, взял деньги и выскочил во двор; ближайший магазин находился через дорогу. Светофор Дан проигнорировал, дождался, когда машины рассосутся, и перебежал напрямую. Зачем время зря терять? В продуктовом он прошелся по полкам: пакет молока, лучше взять полуторалитровый – на дольше хватит, десяток яиц, полбатона вареной колбасы, черный и белый хлеб, куриная грудка, упаковка кукурузных хлопьев, геркулес и две слойки. Дан прикинул: денег достаточно – и добавил в корзину любимое мороженое. Жизнь удалась.

Он расплатился и рванул обратно, но заметил дядьку неподалеку от входа в магазин. Тот сидел в инвалидной коляске, ноги его были прикрыты пледом, в правой руке дядька держал кепку. Люди шли мимо неспешным потоком, словно человек в коляске был невидимкой, никто не подавал. Дан пошарил по карманам – только мелочь. Он выгреб всю и ссыпал в кепку, затем протянул слойку:

– Это вам.

Дядька взял булку не сразу, по его лицу было заметно, что он сомневается. Наконец он решился и благодарно кивнул. Дан побежал дальше.

Дома его обожгла мысль: может, и не надо было давать булку? Мама говорила, что нищие лишь притворяются, а сами наживаются на доверчивых людях. А многим эти деньги только на выпивку нужны. Этот дядька посмеется над Даном, а сам выбросит слойку в урну. Ну и пусть! Изнутри полыхнуло. Не будет он стыдиться своего поступка. Если этот дядька из тех, про кого рассказывала мать, пусть ему будет стыдно, а не Дану.

Он включил духовку, посолил и поперчил грудку и сунул ее запекаться. Поставил воду под макароны и снова чайник – пора перекусить. В школе в столовую не пробиться, да и еда там так себе. Несколько раз у Дана была после нее изжога, так что к четырем дням хотелось не есть, а жрать. Он пожарил сухой хлеб по найденному в сети рецепту и проглотил три куса под чай. Голод немного унялся. Как раз чтобы дотерпеть до полноценного обеда.

2

Дан уселся за компьютер – он договорился с Мироном и Платоном, что войдет в игру полшестого. МIRON и Платон остались в его прежней жизни и в старом дворе. Но расстояние не помеха: час езды на метро, полчаса на автобусе – в одну сторону. В оба конца – три часа. И тогда понимаешь, насколько огромна Москва. Она расплзлась во все стороны, подмяв под себя ближайшие деревни. Одновременно яркая и блеклая, парадная и повседневная – Дану было сложно думать о Москве как о едином пространстве.

Раньше городом был район, где Дан родился и вырос. Район ограничивался сперва домом и садиком, затем вобрал в себя школу и близлежащие магазины. Когда Дан с родителями отправлялся в цирк или музей, он никак не мог осознать, что после такого долгого пути они все еще находятся в Москве. Он постоянно спрашивал: «А где мы сейчас?» Понимание, что это тоже Москва, не хотело вмещаться в него.

В пятнадцать лет Дан с Платоном и Миром, как между собой они называли Мирона, начали шастать по городу. Родители не возражали. Но не потому, что они уже погрузились

в бесконечные нападки друг на друга и до сына им не было никакого дела. Как-то раз Дан подслушал телефонный разговор матери с подругой: «Ну не привязывать же мне его к подолу. Пятнадцать лет парню, почти взрослый... Да, страшно, но хуже, если вырастет маменькиным сынком».

Она потом поговорила с ним с глазу на глаз, сказала, что доверяет, потому что знает, что у него есть голова на плечах. Отец – тот не доверял, и Дан понимал почему. Отец и сам был когда-то пятнадцатилетним и хорошо знал об опасностях, подстерегающих даже самых благо-разумных парней. Но и отец не препятствовал перемещениям сына по городу, за что Дан был ему благодарен. Мать и отец выступили здесь единым строем. Даже поссорились с бабушкой, которая начала ругаться, что Дану слишком много воли дали.

Дан пододвинул игровую клавиатуру и мышку – сам на них заработал, – надел наушники и соединился с друзьями. На счет «два-три» они одновременно вошли в игру.

– Прикрой слева! Да что ты, лопух, тормозишь, меня сейчас же подобьют! – Они при-вычно общались в чате.

Два часа пролетели незаметно. Дан с сожалением вышел из игры, договорившись повто-рить сеанс в половине десятого. Хлопнула дверь – вернулась мама. Она не сразу прошла в комнату. Долго возилась в прихожей, снимая обувь.

– Я суши купила, – она протянула Дану пакет. – Взяла «Калифорнию».

Дан заглянул внутрь: в пакете лежала упаковка суши (шесть штук), соевый соус, васаби и имбирь. На один зубок.

– А ты? – На двоих еды было маловато. Да и на одного тоже, мама явно не учла волчьего аппетита сына.

– Что-то не хочется... – Мама отправилась в свою комнату.

– Я макароны с курицей приготовил! – крикнул Дан ей в спину, но мама вроде бы не услышала.

Он сел за кухонный стол и стремительно уничтожил суши. Затем начал разогревать ужин, ворча себе под нос про безответственных родителей. Мама появилась в дверном проеме и безучастно посмотрела на сына.

– Тебе плохо? – забеспокоился Дан.

Мама покачала головой:

– Мне никак. Память плохая стала. Хотела ведь в магазин зайти – холодильник совсем пустой – и забыла.

– Я купил! – Дан распахнул дверцу холодильника, но мама даже не обрадовалась – она совсем разучилась улыбаться. – Давай в воскресенье вместе ходим, – предложил он.

– Хорошо. – Мама достала хлеб, колбасу и сделала бутерброд. Дан пододвинул к ней тарелку с макаронами и курицей – надо пользоваться моментом, пока у нее аппетит появился. За последние дни они даже ни разу не ужинали вместе, и Дан решил, что пора это исправить. После переезда мама изменилась: стала как будто меньше ростом и постарела. Обозначились складки в уголках рта, и под глазами залегли тени.

Вечером Дан быстро сделал уроки и вновь залез в компьютер, чтобы поиграть перед сном с Миром и Платоном. Потом долго лежал в кровати, переписываясь с ними же в общем чате. Уснул за полночь.

Разбудил его будильник, установленный на смартфоне.

Мама уже заняла кухню и, судя по запаху, варила кашу. Надо же! Дан заглянул в кастрюлю. По овсянке золотистыми лужицами растеклось сливочное масло. Дан, не размешивая – так вкуснее, положил себе целую тарелку.

– Я вот тут список составила, – мама протянула ему листок, вырванный из блокнота. – Закажу доставку на дом. Во сколько ты дома будешь?

– Я сегодня работаю. – Дан ощутил вину: мама обратилась к нему за помощью, а он занят.

– Тогда после восьми вечера. Я уже дома буду. – Мама сделала себе пометку. – Тебе ничего не нужно?

Дан быстро просмотрел список: молоко, яйца, сметана, сыр, колбаса, мясо разное, мука...

– Печенье, – добавил он, – сухари, пряники, сушки и что-нибудь сладкое. А то чай пить не с чем.

Мама записала и поставила себе напоминалку на телефон.

– Чтобы не забыть, – пояснила она.

Дан подошел и неловко обнял маму. Он хотел, чтобы она осознала – он рядом и на него можно надеяться. Мама погладила его по плечу:

– Все хорошо, Данечка.

В школу Дан поехал по новому маршруту – так оказалось удобнее, чем ждать трамвай. А что с пересадкой, так это ерунда: по ученическому проездному у него безлимит поездок. Дан заскочил в автобус и огляделся: нет ли Кара с компанией? Но ребят не оказалось, и почему-то Дан испытал разочарование – прокатиться с новыми приятелями было бы прикольно. Он поймал себя на мысли, что думает об этой троице как о приятелях, и усмехнулся: а ведь твердо собирался ни с кем не сходить. Ну да ладно, там видно будет.

* * *

Что значит быть взрослым? Ходить на работу? Оплачивать коммуналку и покупать продукты? Подростки ходят в школу, как на работу, и могут купить те же продукты. Но это не делает их взрослыми. Что же тогда? Создание семьи и рождение детей? Ответственность, которая появляется при этом? Мне кажется, взрослые знают какой-то секрет, делающий их взрослыми. Какое-то тайное знание. А может, я ошибаюсь, и взрослые как раз утратили то тайное знание, которым обладали в детстве. И теперь они разучились мечтать о несбыточном, приземлились и уже никогда не взлетят. Взрослые – это подростки, лишённые крыльев.

3

Ксаны в школе не было. Как объяснил Понч, она закосила – сделала вид, что болит голова. А ее родители сделали вид, что поверили дочери.

– У Зюмы предки в этом отношении классные, не то что мои, – пожаловался Понч. – У моих строго: голова болит? Выпей таблетку и дуй в школу. Одна нога здесь, другая там.

– Многие знания – лишние печали. – Кар снисходительно потрепал Понча по волосам. – Готовься, друг, в следующем году нам предстоит игры на выбывание. Слабакам там не место.

– А кто слабак? – проворчал Понч. – Я, что ли? Просто несправедливо получается.

– Наш великий и ужасный Понч планировал продрыхнуть полдня, – пояснил Кар, – потому что вчера просидел до трех ночи за книжкой – зрение портил.

– Мне ее отдавать сегодня, – огрызнулся Понч.

– А что за книга? – заинтересовался Дан, он не то чтобы увлекался литературой, но иногда читал, особенно если книгу настоятельно советовал Платон.

– В картинках, – поддел друга Кар, – для малышей.

– Графический роман, – поправил его Понч. – Темное фэнтези по поджанру, если тебе это о чем-то говорит.

Дан заскучал: легкое чтение он не любил, предпочитал серьезные книги, чтобы после обсудить их с Миром и Платоном. Хотя недавно ему попались стихи Эдгара По, ничего так. В меру мрачные и готические. А Понч раззадорился и начал пересказывать сюжет. Кар обменялся

с Даном понимающим взглядом и быстро перевел беседу в другое русло. Речь пошла о базовой математике.

– Да ну на фиг, – отмахнулся Понч. – Лучше профиль сдавать – он много где пригодиться может.

Дан тоже не собирался сдавать базу после десятого класса, но больше потому, что не выбрал будущую профессию и институт. Пока неясно, что там понадобится, – база или профиль. А вот ближе к осени он постарается определиться, так что мучиться будет оптом – сразу по всем предметам.

Вообще забивать себе голову предстоящими через год экзаменами не хотелось. Мама периодически вспоминала о них и пыталась воззвать к Даниной сознательности, но надолго ее не хватало – ни мамы, ни сознательности. Учителя тоже порой намекали на грядущие трудности, но особо не нагнетали: им хватало мороки с девятыми и выпускными классами. Так что десятиклассники наслаждались небольшим послаблением в учебе, кроме тех, кто шел на медаль. Как Платон, например. Данин друг полностью оправдывал свое имя, полученное в честь древнегреческого философа. Мир иногда подкалывал его: «Платон мне друг, но истина дороже».

– Слушайте, а что за игры на выбывание через год? Соревнования? – поинтересовался Дан.

Кар расхохотался. У него оказался заразительный смех, который хотелось подхватить.

– Так экзамены же выпускные. А ты про что подумал?

Дан смутился: как же он не догадался? Ведь на самом деле все очевидно.

– У нас в прошлом году парень из окна выпрыгнул – за экзамены получил меньше баллов, чем рассчитывал, – припомнил Понч.

– Ну и дурак! – Дан был резок.

– Ну да, нашел из-за чего, – согласился Понч. – Так бы пересдал их через год или в колледж поступил. А хотя бы и в армию... А теперь у него никогда ничего не будет.

После уроков Дан помчался в кафе. Он начал подрабатывать, как только ему исполнилось шестнадцать лет, – хотелось своих денег. Сперва прошел тестирование в офисе, затем медицинский осмотр в поликлинике в центре Москвы, и вскоре его приняли в Так-Тональдс – крупнейшую сеть быстрого питания. Первые два месяца у Дана проходила оплачиваемая стажировка, к нему даже прикрепили консультанта. Не обошлось без происшествий: несколько раз Дан получил ожоги из-за горячего масла, хорошо, что без волдырей. Самым сложным оказалось собирать бургеры, как ни странно. Но Дан вскоре овладел этой премудрой наукой, и его взяли на постоянную вакансию. Три раза в неделю полных четыре часа: вторник, четверг и суббота – всё как по законодательству. Можно было бы ходить чаще, но родители выступили против – боялись, что на учебе скажется. Дан подозревал, что осенью подработку придется бросить, поэтому на лето у него были определенные планы: накопить как можно больше денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.